

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2011 г. И.В. НЕДЯЛКОВ

ОБ ОТЦЕ – ЛИНГВИСТЕ И УЧИТЕЛЕ

Статья посвящена анализу научной и научно-педагогической деятельности выдающегося русского лингвиста Владимира Петровича Недялкова (04.01.1928–21.07.2009). В статье рассматриваются типологические подходы к анализу таких семантико-грамматических категорий, как каузатив, рефлексив, декаузатив, инхоатив, реципрок и некоторых других. Вскрываются содержательные связи с развитием зарубежной лингвистики второй половины XX века.

В настоящей статье, написанной сыном В.П. Недялкова, рассматриваются в проблемном ключе те направления лингвистических работ В.П. Недялкова (далее ВПН), опубликованных им в течение почти полувека (с 1961 по 2007 год), которые либо носили пионерский характер, т.е. вызвали ответные публикации других лингвистов (как отечественных, так и зарубежных) в развитие темы (к таковым я бы отнес работы ВПН по типологии транзитивации, а также каузативных, рецессивных, результативных, деепричастных и взаимных конструкций), либо были встроены в общий ход развития отечественной лингвистической мысли.

Статья состоит из трех неравных по объему частей. В первой части кратко характеризуются диссертационные работы отца. Во втором разделе, который представляет собой центральную часть статьи, рассматриваются основные содержательные моменты шести направлений, которые условно отнесены мной к «пионерским». Эти направления приводятся ниже в хронологическом порядке появления первых работ на соответствующую тему (год опубликования этих работ и их номера в списках основных публикаций по каждому из разделов даются в скобках; для удобства перекрестных ссылок в статье принята сквозная нумерация публикаций ВПН):

- 1) типология каузативных конструкций (1963) [8];
- 2) транзитивация в разноструктурных языках (1969) [20];
- 3) типология результативных конструкций (1974) [22];
- 4) типология рецессивных конструкций и рефлексива (1975) [36];
- 5) типология зависимого таксиса и деепричастных форм (1986) [43];
- 6) типология взаимных конструкций (1990) [51].

В третьей части статьи кратко характеризуются работы ВПН, которые были написаны в рамках выполнения следующих коллективных тем:

- 7) типология залоговых конструкций (1974) [70];
- 8) типология двупредикатных конструкций (1979) [82];
- 9) типология начинательных конструкций (1984) [87];
- 10) семантика видо-временных форм (1984) [92].

В конце статьи приводятся отдельные сведения, характеризующие редакторскую и преподавательскую деятельность отца.

При анализе работ ВПН сделана попытка в первую очередь выделить предложенные им новые семантические и синтаксические понятия, а также классификационные признаки рассматриваемых явлений. Необходимо при этом отметить, что результаты выбранных исследований ВПН изложены вследствие ограниченного объема статьи в существенно сокращенном и упрощенном варианте. Хочу подчеркнуть, что главным объединяющим стержнем многих работ ВПН являлось изучение грамматической полисемии глагольных показателей, а также конструкций в разноструктурных языках. Ниже также приводятся наиболее важные работы коллег и учеников ВПН, тематически прилегающие к его статьям и книгам.

1. ДИССЕРТАЦИОННЫЕ РАБОТЫ ВПН

Обе диссертационные работы отца в силу полученного образования были посвящены исследованию синтаксических и семантических особенностей немецкого языка.

Кандидатская диссертация ВПН «Смысловые ряды немецких глаголов с компонентами *aus-*, *heraus-*, *hinaus-*», написанная им под руководством проф. Владимира Григорьевича Адмони (которого отец безмерно любил и уважал всю жизнь) и защищенная в 1961 году (в 33 года) в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена 26 июня 1961 г., стала, по сути, первым серьезным лингвистическим исследованием ВПН. Самыми первыми его работами, вышедшими в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века, были чисто методические статьи, посвященные отстаиванию активного (прямого или устного) метода изучения иностранных языков. Отец неоднократно говорил мне, что пришел в лингвистику сравнительно поздно (фактически в тридцать лет), причем не с самой блестящей лингвистической подготовкой. Он закончил факультет немецкого языка МГПИИЯ им. М. Тореза в 1950-м году вместе с моей матерью Тamarой Михайловной Недялковой [Скориковой] (15.04.1927–03.05.1976) (они еще застали те времена, когда студенты-лингвисты должны были изучать известную «стадиальную теорию» Н.Я. Марра). Можно вспомнить, что мама защитила кандидатскую диссертацию на тему «Лексическая группа глаголов речи в современном немецком языке» в марте 1961 года в 1-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (мне тогда было почти 10 лет).

Возвращаясь к кандидатской диссертации ВПН, выделяю, во-первых, огромный объем проработанного словарного и текстового материала (это станет «визитной карточкой» научной работы отца на всю жизнь вплоть до восьмидесяти лет, когда он завершал работу над типологией взаимных конструкций) и, во-вторых, детальную классификацию значений простых и приставочных немецких глаголов, многие из которых являются многозначными. Обращу внимание читателя на следующие моменты автореферата диссертации, подтверждающие вышесказанное. В целях установления и рассмотрения смысловых особенностей немецких глаголов с приставками *aus-*, *heraus-*, *hinaus-* ВПН проанализировал более 200 томов (около 80 авторов) художественной литературы XVIII–XX веков. Кроме того, были «использованы почти все широко известные одноязычные словари: Аделунга, Гриммов, Зандерса, Трюбнера, Кёнига, Дудена, Вурма, Вессели – Шмидта, Гейзе, Гейне, Пауля, Макензена, Кюппера, Вейганда – Хирта, Гофмана – Блока и др.» (с. 7 автореферата). Использовалась также немецкая периодика и наблюдения автора над употреблением исследуемых глаголов в немецкой речи. Всего в диссертации ВПН рассмотрено 627 простых глаголов, сочетающихся с элементами *heraus-* и *hinaus-*, установлено 1057 значений приставочных глаголов этого типа (79 значений из них дают возвратные глаголы), а также 1049 глаголов с приставкой *aus-*, имеющих 2057 значений (или оттенков значений). В последнем случае 98 значений выражаются возвратными глаголами. Таким образом, в диссертационной работе ВПН не только впервые был установлен полный список приставочных глаголов рассматриваемых типов, но и детально проработана семантика этих глаголов. Как писал сам

автор, «осуществляя смысловую группировку, мы принимали за единицу классификации каждое значение (или оттенок значения) многозначного слова, реализующееся в определенном смысловом ряду близких по значению глаголов» (с. 7 автореферата). Количественные подсчеты, предваряющие глубокий семантический анализ, дали следующую картину, характеризующую, с одной стороны, глаголы с элементами *heraus-* и *hinaus-* (1-я группа) и, с другой стороны, глаголы с *aus-* (2-я группа): глаголы первой группы с одним значением составляют 68% (429 глаголов), с двумя значениями – 18% (114), с тремя значениями – 8% (49) и с четырьмя значениями – 6% (35), тогда как глаголы второй группы с одним значением составляют 59% (620) глаголов, с двумя значениями – 19% (199), с тремя значениями – 10% (107) и с четырьмя значениями – 12% (123). В результате проведенного семантического анализа отдельные подгруппы глаголов с *heraus-*, *hinaus-* сведены к пяти основным группам, а подгруппы глаголов с *aus-* – к девяти основным группам, насчитывающим соответственно более 90 и 150 смысловых рядов, установленных, исходя из общего значения производносоставных или сложносоставных глаголов. При этом выявление и рассмотрение смысловых рядов производилось с учетом переходности, непереходности, а также возвратности глаголов. Таким образом, в кандидатской диссертации ВПН были исследованы смысловые ряды трех тесно связанных между собой продуктивных подтипов немецких глаголов, относящихся к двум смежным словообразовательным типам с учетом морфологических, синтаксических (в том числе, сочетаемых) и семантических признаков. Богатейший языковой материал диссертации ВПН, скрупулезно описанный и обильно проиллюстрированный, заставляет лишь сожалеть о том, что эта работа не была впоследствии издана в виде монографии.

Немецкие приставки и словообразовательные характеристики немецкого и других разноструктурных языков позднее были рассмотрены в кандидатских и докторских диссертациях, выполненных под руководством ВПН его учениками. Так, В.Д. Калиущенко в 1979 году защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию на тему «Немецкие отсубстантивные глаголы», а в 1988 году – докторскую диссертацию «Словообразование “имя – глагол” (типология отыменных глаголов)», Е.А. Пименов защитил в 1982 году кандидатскую диссертацию на тему «Транзитивация немецких глаголов приставками», а в 1996 году – докторскую диссертацию на тему «Типология транзитивированных глаголов». Эти работы учеников ВПН были частично или полностью переведены на немецкий язык, опубликованы в Германии и заслужили самые высокие отзывы специалистов, что также свидетельствует о том, каким блестящим учителем лингвистики был ВПН.

Результатом работы, проведенной в 60-х годах прошлого столетия и связанной с исследованием немецких каузативных конструкций, явилась докторская диссертация, успешно защищенная ВПН в 1971 году («Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив»), которая впоследствии была переведена на немецкий язык и получила положительные отзывы. Поскольку эта монография была опубликована достаточно большим тиражом (1800 экземпляров), автор настоящей статьи не видит необходимости подробно ее характеризовать. Можно лишь снова отметить, во-первых, поистине колоссальный объем проанализированного языкового материала (около тринадцати тысяч фраз с глаголом *lassen*, притом что одна фраза с *lassen* приходилась в среднем на 450–800 слов исследованных художественных текстов) и, во-вторых, новый метод описания немецких аналитических каузативных конструкций (КК), в результате применения которого была получена чрезвычайно объемная и многомерная классификация этих конструкций, учитывающая большое количество формальных и семантических признаков. Назовем лишь некоторые из них: транзитивность – интранзитивность глаголов, выступающих в КК, нерелексивность – релексивность КК, обратимые – необратимые КК, типы необратимости КК (морфологическая, синтаксическая, идиоматическая, семантическая), соотношение фактитивного и пермиссивного значений, контактная и неконтактная каузация, неимперативные – императивные КК, одушевленность – неодушевленность агенса и субъекта, местоименность – неместоименность агенса, наличие --

отсутствие объекта и его форма, наличие неопределенного артикля в составе именной группы, выражающей агенс, смысловые типы эллипсиса в КК, лексическое наполнение позиции зависимого глагола, наличие отрицаний, наличие посессивного отношения между элементами КК, наличие однородных сказуемых, порядок следования агенса и субъекта. На основе этих и ряда других признаков огромный массив языкового материала был подразделен на десятки групп и подгрупп, что представлено во второй части монографии 1971 года [6].

Основные публикации по теме раздела

1. О термине «глаголы с отделяемыми приставками» в грамматике немецкого языка // Ю.Г. Татишвили (ред.). Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. Вопросы германской филологии. Т. 23. Пятигорск, 1961.
2. Структурные особенности глаголов типа *auskommen, herauskommen* // Ю.Г. Татишвили (ред.). Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. Вопросы германской филологии. Т. 23. Пятигорск, 1961.
3. Смысловые ряды сложносоставных глаголов с местоименными приставками-наречиями *heraus* и *hinaus* в современном немецком языке // Ю.Г. Татишвили (ред.). Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. Вопросы германской филологии. Т. 23. Пятигорск, 1961.
4. Обзор первых компонентов немецких непростых глаголов // Ю.Г. Татишвили (ред.). Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. Вопросы германской филологии. Т. 23. Пятигорск, 1961.
5. К теории немецкого приставочного глагольного словообразования // Лингвистические исследования 1972. Ч. II. М., 1973.
6. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971.
7. *Kauzativkonstruktionen / Aus dem Russischen übersetzt von V. Kuchler und H. Vater. Tübingen, 1976.*

2. ПИОНЕРСКИЕ РАБОТЫ ВПН

2.1. Типология каузативных конструкций

В год защиты кандидатской диссертации ВПН (1961) в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР произошло важнейшее организационно-лингвистическое событие, определившее научную жизнь отца на многие десятилетия – Александр Алексеевич Холодович в результате огромных усилий основал группу структурно-типологического изучения языков (с 1992 года – Лаборатория типологического изучения языков), в которую первоначально вошли, помимо самого А.А. Холодовича, ВПН и Виктор Самуилович Храковский (об истории создания этой лаборатории и основных результатах ее деятельности см. в обзоре [Храковский, Оглоблин 1998]). Первая коллективная тема группы (а также коллективная монография, выпущенная в 1969 году) была связана с исследованием типологических особенностей каузативных конструкций. Первой публикацией на эту тему явились тезисы, опубликованные в 1963 году в соавторстве с Т.Н. Никитиной и В.С. Храковским «К типологии соотносительных конфигураций разноструктурных языков (типы: *я заставил его лечь / я положил его*)» [8]. Через два года на основе доклада совещания 1963 года [8] в сборнике «Лингвистическая типология и восточные языки» [10] была опубликована статья этих же авторов «О типологии побудительных конструкций». В этой статье на материале тридцати двух разноструктурных языков описываются конструкции, в которых в качестве ядерного элемента выступают глаголы со значениями «заставить», «разрешить», «запретить» и т.п. (в работе эти глаголы называются побудительными). В статье [10] предлагается ряд закономерностей, одной из которых является следующая: «если в каком-либо языке существуют формы побудительного залога, образованные от переходных глаголов, то такие же формы образуются и от непереходных глаголов; обратное наблюдается не всегда» (с. 221). Авторами работы были выделены три типа образования побудительных конфигураций (сейчас мы бы сказали – каузативных конструк-

ций): 1) с помощью морфем (в статье ему соответствуют «залоговые фактивитивы»; статус каузативации как именно залогового преобразования значительно позднее был подвергнут справедливой критике, но такова была традиция описания побудительных глагольных форм в большинстве грамматик языков народов СССР того времени), 2) с помощью служебных каузативных глаголов (типа немецкого глагола *lassen*) (в обсуждаемой работе – «служебные фактивитивы») и 3) с помощью знаменательных каузативных глаголов («полнозначные фактивитивы»), например, в русском языке. На основе исчисления всех возможностей наличия одного, двух или трех типов образования каузативных конструкций были установлены семь возможных типов языков, четыре из которых являются продуктивными, а три – «реликтовыми». Приведу в качестве примера только самый продуктивный тип, который включает «залоговые фактивитивы» (т.е. морфологический каузатив) и «полнозначные фактивитивы», но при этом характеризуется отсутствием «служебных фактивитивов». Из 32 учтенных языков в эту группу попадают одиннадцать [абхазский, грузинский, зулу, индонезийский, курдский (сорани), мансийский, нивхский, суахили, татарский, хауса, чеченский] [10, с. 226].

В этих сравнительно небольших публикациях [8; 10], написанных в соавторстве, была заложена основа для дальнейших исследований каузативных конструкций в разноструктурных языках. Результатом этих исследований стало появление в 1969 году коллективной монографии «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив» (отв. ред. А.А. Холодович), в которой обе вводные теоретические статьи («Типология каузативных конструкций» и «Типология морфологического и лексического каузативов») были написаны ВПН в соавторстве с Г.Г. Сильнищим [11; 12]. Помимо этих статей ВПН в соавторстве с другими лингвистами написал четыре отдельные главы, описывающие морфологический каузатив в абхазском [13], грузинском [14], нивхском [15] и чукотском [16] языках. В теоретических статьях ВПН и Г.Г. Сильницкого, помимо выделения ряда подтипов (1) каузативных конструкций и (2) формальных оппозиций некаузативных и каузативных глаголов, были предложены такие понятия, как фактивитивная, пермиссивная и прохибитивная каузация, дистантная vs. контактная каузация, а также установлен ряд корреляций между наличием vs. отсутствием различных (под)типов каузативных конструкций. Также была описана многозначность каузативных морфем в разноструктурных языках с учетом таких факторов, как значения производных глаголов, связанные с повышением исходной синтаксической валентности на единицу (установлено девять значений; с. 36–38 монографии) или же связанные с уменьшением исходной синтаксической валентности (установлено два значения – реципрокное и пассивное; с. 38–39). Помимо этого ВПН и Г.Г. Сильницкий на основе рассмотрения данных десяти языков предложили классификацию полисемии декаузативных (в их терминологии – антикаузативных) морфем, включающую одиннадцать значений (в том числе, декаузативное, пассивное, пассивно-потенциальное, рефлексивное, реципрокное, абсолютивно-потенциальное, абсолютивно-посессивное и т.п.); для иллюстрации в каждом случае сначала приводились русские примеры, поскольку, как заметили авторы статьи, именно в русском языке, по-видимому, наиболее развита полисемия антикаузативной морфемы *-ся* (с. 40). В конце статьи ее авторы рассмотрели типы падежного оформления каузативных дополнений (с. 49–50) и установили тенденцию опускать при каузативах с валентностью выше двух дополнение, обозначающее исполнителя действия.

Рассмотренные статьи ВПН, опубликованные в коллективной монографии 1969 года «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив», явились поистине пионерскими работами, вызвавшими на протяжении последующих десятилетий шквал статей и монографий, посвященных типологии каузативных конструкций. В числе основных работ, опубликованных за рубежом и содержащих ссылки на работы ВПН, следует упомянуть работы Б. Комри [Comrie 1976; 1981; 1985] и Р. Диксона [Dixon 2000]. Ср. также следующую литературу [Shibatani (ed.) 1976; GC 2002; Levin, Rapoport Hovav 1995].

Основные публикации по теме раздела

8. (Соавторы: Т.Н. Никитина, В.С. Храковский) К типологии соотносительных конфигураций разноструктурных языков (типы: *я заставил его лечь / я положил его*) // Материалы совещания по типологии восточных языков. М., 1963.
9. О связи каузативности и пассивности // Ю.М. Скребнев и др. (ред.). Учен. зап. Башкирского ун-та. Вып. XXI. Сер. филол. наук. № 9 (13). Уфа, 1964.
10. (Соавторы: Т.Н. Никитина, В.С. Храковский) О типологии побудительных конструкций // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
11. (Соавтор: Г.Г. Сильницкий). Типология каузативных конструкций // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
12. (Соавтор: Г.Г. Сильницкий). Типология морфологического и лексического каузативов // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
13. (Соавтор: И.О. Гецадзе). Морфологический каузатив в абхазском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
14. (Соавторы: И.О. Гецадзе, А.А. Холодович). Морфологический каузатив в грузинском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
15. (Соавторы: Г.А. Отаина, А.А. Холодович). Морфологический и лексический каузативы в нивхском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
16. (Соавтор: П.И. Инэнликей). Каузатив в чукотском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
17. (Соавтор: G.G. Silnitskij). Typologie der kausativen Konstruktionen // Folia Linguistica. T. VI. 1973. № 3/4.
18. (Соавтор: L.I. Kulikov). Questionnaire zur Kausativierung // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 45. Hf. 2. Berlin, 1992.
19. (Соавтор: L.I. Kulikov). Typologie der kausativen Konstruktionen: Probleme und Perspektiven (zu definitiven und terminologischen Aspekten des Questionnaires zur Kausativierung) // Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts. 1992. № 87.

2.2. Транзитивация в разноструктурных языках

В 1969 году в сборнике «Языковые универсалии и лингвистическая типология» [20] появилась небольшая статья ВПН «Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании», посвященная анализу типологических особенностей транзитивации (каузативации) четырех интранзитивов со значениями «смеяться», «кипеть», «гореть», «сломаться» в разноструктурных языках (в русском языке смысловыми каузативами от этих глаголов являются, естественно, лексемы «смешить», «кипятить», «жечь» и «сломать» соответственно). Об этой статье следует сказать особо в силу трех обстоятельств: 1) количества привлеченных языков, 2) выявленных корреляций (количественных и семантических) между смысловыми и формальными оппозициями и 3) научного резонанса, прежде всего, в зарубежной лингвистике последующих десятилетий.

Во-первых, знаменателен охват обследованных языков – их шестьдесят. Таким образом, были выявлены 240 формальных оппозиций (ФО) четырех пар, включающих интранзитивы и соответствующие им смысловые каузативы. Отмечу, что в опубликованной через год статье «О связи смысловых и формальных оппозиций (к вопросу об универсалиях)» [21] количество обследованных языков возросло до ста, и, соответственно, количество учтенных глагольных пар – до четырехсот. Во-вторых, были выявлены семь (в публикации 1970 года – пять) основных типов ФО, главными из которых на основании продуктивности в рассмотренных языках представляются следующие: 1) каузативная ФО (башк. *һын-* «сломаться» → *һын-дыр-* «сломать»), 2) антикаузативная ФО (русс. *сломать-ся* ← *сломать*), 3) нулевая ФО (англ. *break* (intr) – *break* (tr.)), 4) супплетивная ФО (русс. *гореть* – *жечь*) и 5) альтернантная (чередование корневых или некорневых элементов). Сопоставление смысловых и формальных оппозиций в

60 разноструктурных языках дало ряд интересных результатов, среди которых можно выделить следующие. Для смысловой каузативной оппозиции (КО) «смеяться – смешить» доминирующей ФО оказалась каузативная (54 случая этой ФО и, соответственно, 54 языка из общего числа 60 ФО и языков), в остальных шести языках была представлена ФО замещения (= чередования, как в русском языке), другие типы ФО для этой КО вообще не были обнаружены. Что касается КО «кипеть – кипятить», то ведущим типом ФО также была каузативация (36 из 60 языков), но имели место также случаи нулевой (лабильной) ФО (девять языков), супплетивной ФО (семь языков) и единичные случаи всех других типов ФО. Для КО «гореть – жечь» распределение основных типов ФО по языкам было следующим: каузативация (19 языков), нулевая ФО (14 языков), супплетивная ФО (14 языков) и антикаузативная (8 языков). Последняя КО «сломаться – сломать» в качестве ведущего типа ФО имела антикаузативную (22 языка), затем нулевой (лабильный) тип ФО (19 языков) и каузативация (9 языков). Остальные типы ФО в последних трех случаях КО были представлены единичными языками. Таким образом, была установлена корреляция, согласно которой вероятность появления каузативной ФО увеличивается от последней КО («сломаться – сломать») к первой «смеяться – смешить» (или, что то же самое, уменьшается от первой к последней), а вероятность появления нулевой, антикаузативной и супплетивной ФО увеличивается в противоположном направлении (от второй к четвертой; в первой КО эти три типа ФО вообще отсутствуют). ВПН предложил соотносить эти тенденции в способе выражения каузативных смыслов с такими признаками, связанными с изменениями на референтном уровне, как степень активности агенса некаузативного действия (только в случае «смеяться» агент является человеком), а также изменение степени визуальной очевидности соответствующего каузативного действия (например, некаузативное действие «ломаться» чаще всего наблюдается при выполнении кем-либо каузативного действия «ломать», тогда как действие «гореть» намного реже в реальной действительности является следствием действия «жечь»). При этом действие «кипеть» визуально является значительно более активным, нежели, например, действие «сломаться» и т.п. Все эти рассуждения предвосхищали в определенной степени тот интерес к изучению семантики и функционирования глаголов и образуемых ими конструкций с точки зрения соответствующих event structures, который появится в зарубежной лингвистике через несколько десятилетий. В конце своей статьи 1969 года [20] ВПН пишет: «Есть основания полагать, что значительное расширение круга привлекаемых языков существенно не изменит выявленных тенденций, поскольку в их основе лежат экстралингвистические факторы (подробное рассмотрение последних не входит в задачу настоящих заметок)» [20, с. 111].

Что касается научного резонанса, вызванного этой статьей ВПН в зарубежной лингвистике, то можно указать по крайней мере на статьи М. Хаспельмата [Haspelmath 1993] и Дж. Николс [Nichols et al. 2004], которые рассмотрели значительно больший круг семантически соотносимых интранзитивов и каузативов на материале большой группы разноструктурных языков. В этих статьях приводятся ссылки на работу ВПН 1969 года, но подробный разбор этих работ Хаспельмата и Николс не входит в задачи настоящей статьи. Ограничимся только двумя отрывками из названных статей. На первой странице своей работы М. Хаспельмат в сноске писал: «This paper looks at the ways different languages express inchoative/causative verb alternations. The original idea and the methodology are due to Nedjalkov (1969; 1990), by whom I have been greatly inspired» [Haspelmath 1993: 87]. Дж. Николс в своей статье 2004 года писала: «The entire line of investigation, and the design of the survey used here, were inspired by Nedjalkov (1969), where four verb gloss pairs were surveyed across 50 languages and conclusions were drawn about the relationship of verbal semantics to the preferred correspondence type for each gloss pair. Haspelmath (1993) surveys 31 verb pairs across 21 languages, confirms Nedjalkov's findings, and gives a fuller account of the semantic and other factors influencing the choice of correspondence types» [Nichols et al. 2004: 154]. Как представляется, эта характеристика научного значения статьи ВПН 1969 года [20], данная М. Хаспельматом и Дж. Николс, говорит сама

за себя (в порядке уточнения замечу, что в этой статье были учтены данные 60 языков и повторяю, что в статье, опубликованной через год в Бухаресте, были учтены данные ста языков, т.е. количество рассмотренных оппозиций достигло четырехсот).

Основные публикации по теме раздела

20. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // И.Ф. Вардуль (отв. ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

21. О связи смысловых и формальных оппозиций (к вопросу об универсалиях) // A. Graur et al. (eds.). Actes du Xe congrès international des linguistes. Bucarest, 28 août – 2 septembre 1967. V. III. Bucarest, 1970.

2.3. Типология результативных конструкций

Первой работой, в которой была намечена типология результативных конструкций, была статья, написанная в соавторстве с Г.А. Отаиной и А.А. Холодовичем и посвященная нивхскому языку [22]. Здесь необходимо сказать несколько слов о многолетнем интересе ВПН к данным чукотского и нивхского языков, возникшем в начале 60-х годов XX столетия. Первое упоминание об этих языках содержится в статье «О типологии побудительных конструкций» 1965 года [10], о которой речь уже шла выше. Вероятнее всего, не позднее 1962–1963 годов в результате события, значение которого, повторяю еще раз, для развития российской лингвистики трудно переоценить (создание в ЛО ИЯ АН СССР группы структурно-типологического изучения языков), ВПН заинтересовался лингвистическими особенностями чукотского, нивхского и ряда других языков. В вышеуказанной статье 1965 года, в частности, указывается, что чукотский язык принадлежит к первой группе языков, в которых есть и каузативная морфема, и служебный каузативный глагол, а также полнозначные каузативные глаголы, тогда как нивхский язык принадлежит ко второй группе языков, в которых есть каузативная морфема и полнозначные каузативные глаголы, но отсутствуют служебные каузативные глаголы [10, с. 266]. Первая статья, целиком посвященная чукотскому языку, вышла в 1966 году [66], тогда как первая статья, посвященная анализу нивхского синтаксиса (в соавторстве с Г.А. Отаиной), вышла годом позже – в 1967 году [68]. Отмечу, что в коллективной монографии 1969 года по типологии каузативных конструкций представлены статьи как по чукотскому [16], так и по нивхскому морфологическому каузативу [15].

Статья по типологии результативных конструкций была опубликована в коллективной монографии «Типология пассивных конструкций» в 1974 году. Специфика ситуации состоит в том, что ни в чукотском, ни в нивхском языках, как указывается в специальной литературе, пассива нет [Володин, Скорик 1997: 29; Груздева 1997: 145]. В этих языках есть, однако, объектный результатив, фактически идентичный статальному пассиву в славянских и германских языках. Чукотские и нивхские результативные конструкции были рассмотрены позже – в 1983 году – в статьях, написанных в соавторстве и опубликованных в коллективной монографии, специально посвященной типологии результативных конструкций [24; 25]. Уже в статье 1974 года [22] были впервые введены такие понятия, как субъектный и объектный результатив, описаны диатезные преобразования этих типов и приведены расширенные списки глаголов, допускающих эти преобразования, например: нивхск. *Иф оолагу вета-у-д* 'Она одела детей' → *Оолагу вета-у-ыта-д* 'Дети одеты' (объектный результатив, образуемый суффиксом *-ыта*); *Н'и вета-д* 'Я оделся' → *Н'и вета-ыта-д* 'Я одет' (субъектный результатив, образуемый тем же суффиксом [24, с. 236, 246]).

Более детально понятийный аппарат типологического описания результативных конструкций (РезК) был представлен во вводной статье к коллективной монографии «Типология результативных конструкций» [23]. Этот аппарат включил следующие наиболее важные понятия, признаки и параметры описания РезК: 1) посессивный результатив, 2) безличный результатив, 3) двудиатезный результатив, 4) квазирезультатив,

5) семантические отличия перфекта от результата, с одной стороны, и пассива от результата, с другой стороны, 6) формально несовмещенный vs. совмещенный результат, 7) лексическое наполнение РезК и лексические ограничения, накладываемые на образование результативных форм, 8) семантику результативных форм, 9) генетические связи результата и пассива, 10) возможность выражения агенса агентивным дополнением в объектно-результативных конструкциях. В статье [23] было отмечено, что посессивный результат встречается реже, чем субъектный, а последний – реже, чем объектный (с. 17), и предложена импликация, согласно которой наличие в языке посессивных РезК имплицитно также субъектные и объектные РезК, а наличие субъектных РезК имплицитно наличие объектных РезК (в статье эта импликация имеет вид: посессивный → субъектный → объектный результат [23, с. 17]).

В продолжение обсуждаемой темы следует упомянуть две кандидатские диссертации, выполненные под руководством ВПН: «Результатив и статив в английском языке (конструкция типа *to be* + причастие второе)», написанная И.А. Петуниной (Л., 1983), и «Акциональное и статальное значения конструкций с причастиями на *-н*, *-т*», написанная Ю.П. Князевым (Л., 1986).

Основные публикации по теме раздела

22. (Соавторы: Г.А. Отаина, А.А. Холодович). Диатезы и залоги в нивхском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
23. (Соавтор: С.Е. Яхонтов). Типология результативных конструкций // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
24. (Соавтор: Г.А. Отаина). Результатив и континуатив в нивхском языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
25. (Соавторы: П.И. Инэнликсй, В.Г. Рахтилин). Результатив и перфект в чукотском языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
26. (Соавтор: И.В. Недялков). Статив, результатив, пассив и перфект в эвенкийском языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
27. (Соавтор: Э.Ш. Гснюшене). Результатив, пассив и перфект в литовском языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
28. Результатив, пассив и перфект в немецком языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
29. К типологии соотношения результата и пассива: на материале немецкого языка // И.П. Сусов и др. (ред.). Семантика и прагматика синтаксических единств. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1981.
30. (Соавторы: Ю.П. Князев, И.А. Петунина). Русский результатив в сопоставлении с немецким и английским // И.П. Сусов и др. (ред.). Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982.
31. Заметки по типологии результативных конструкций (перфектив, результатив, перфект, статив) // И.П. Сусов (ред.). Коммуникативно-прагматические и семантические свойства речевых единств: Межвуз. тематический сб. Калинин, 1980.
32. Preface // V.P. Nedjalkov (ed.). Typology of resultative constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
33. (Соавтор: S.Jc. Jaxontov). The typology of resultative constructions // V.P. Nedjalkov (ed.). Typology of resultative constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
34. (Соавтор: V.P. Litvinov). Resultativkonstruktionen im Deutschen. Tübingen, 1988.
35. Resultative constructions // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language typology and language universals. V. 2. Berlin; New York, 2001.

2.4. Типология рецессивных конструкций и рефлексива

Первым типологическим опытом описания рецессивных конструкций в разноструктурных языках была статья ВПН «Типология рецессивных конструкций. Рефлексивные конструкции», опубликованная в 1975 году в сборнике «Диатезы и залоги» по материалам конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разнотипных

темных языков» [36]. В последовавшей серии работ ВПН, частично написанных в соавторстве ([38]–[42]), предложена многомерная типология рецессивных и, в том числе, рефлексивных конструкций. Приведу основные типологические группы рецессивных конструкций и параметры их сравнительного описания в разноструктурных языках: 1) формальные vs. смысловые рефлексивы, 2) типология рефлексивных показателей (флексия, аффикс, частица, местоимение), 3) типы рефлексивных синтаксических и семантических структур (с одной стороны, субъектные, объектные и деагентивные и, с другой стороны, рефлексивно-реципрокные, рефлексивно-посессивные, рефлексивно-моторные или автокаузативные формы), 4) типы значений, выражаемых рефлексивными показателями (в других публикациях ВПН – семантическая классификация рефлексивов). Статья [42], указанная в конце этого раздела, представляет собой наиболее полный анализ типологических особенностей формальных и смысловых рефлексивов. Среди наиболее интересных импликаций, приведенных в работах этой группы, можно выделить следующие: 1) если у формальных рефлексивов есть собственно-пассивное значение, то у них есть и декаузативное значение, но не наоборот, 2) если формальные рефлексивы в каком-либо языке могут выражать абсолютное значение, то они, чаще всего, могут выражать и реципрокальное значение [36, с. 32], 3) если в языке есть рефлексивный имперсонал, то в нем есть и рефлексивный пассив, но не наоборот [42, с. 275]. Таким образом, можно предположить, что объектные функции рефлексивных показателей развиваются в следующем порядке: декаузативная → пассивная → субъектно-имперсональная.

В статье [38] устанавливаются все основные типы деагентивных конструкций (в которых подлежащее не обозначает субъекта действия или отсутствует вообще), а также приводятся параметры, подлежащие рассмотрению в этой связи: 1) установление характера имплицитного субъекта действия, 2) уточнение модальных значений деагентивных конструкций, 3) особенности образования видо-временных форм, 4) соотношение с синонимичными деагентивными конструкциями, образуемыми без помощи рефлексивных глаголов, 5) стилистические различия, частотность, ограничения на образование и употребление в речи, 6) типология полисемии рефлексивных глаголов и т.п. [38, с. 34]. В статье [42] на основе анализа данных 57 индоевропейских и неиндоевропейских языков предлагается детальная типология семантических классов субъектных рефлексивов, которые включают следующие пять семантических типов рефлексивных глаголов: тотально-рефлексивные (*одеться*), партитивные (*пораниться*), абсолютные (*кидаться*), автокаузативные (*подняться*) и реципрокальные (*обниматься*). Рассмотренные 57 языков подразделяются на восемь типов, в соответствии с теми значениями, которые могут в них выражаться рефлексивными глагольными формами. Так, например, в балтийских, славянских, венгерском, коми, удмуртском, вепсском, манси и эскимосском рефлексивные глаголы могут выражать все пять значений, тогда как, например, в татарском, узбекском, чувашском, грузинском и фульфульде – все значения за исключением последнего (реципрокального). В шведском языке рефлексивные формы могут, например, выражать абсолютное, автокаузативное и реципрокальное значения, тогда как в норвежском языке – только два последних [42, с. 273]. Важной представляется также типология семантических типов объектных рефлексивов, строящаяся на основе трех семантических функций (декаузативной, рефлексивного пассива и рефлексивного имперсонала) [42, с. 275]. Рассматриваемые языки по этим основаниям подразделяются на четыре группы: 1) языки, в которых рефлексивный показатель может выражать все три функции (например, болгарский, польский, чешский, испанский, итальянский, турецкий), 2) языки, в которых рефлексивный показатель может выражать декаузативную и рефлексивно-пассивную функции, но не образуют форм рефлексивного имперсонала (например, восточнославянские, армянский, грузинский, венгерский, коми, якутский, чувашский), 3) языки, в которых рефлексивный показатель может выражать только декаузативную функцию (но не образуют конструкций рефлексивного пассива и рефлексивного имперсонала, например, балтийские, немецкий, английский, манси, эстонский), 4) языки, в которых рефлексивный показатель не может выражать ни одной из

трех функций (декаузативной, рефлексивного пассива и рефлексивного имперсонала). В последнюю группу авторы статьи [42] включили только нивхский язык.

В завершение этого раздела необходимо упомянуть, во-первых, написанную в развитие обсуждаемой в этом разделе темы и под влиянием ВПН докторскую диссертацию Э.Ш. Генюшене «Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов» (Вильнюс, 1983), а во-вторых, получившую большое количество блестящих отзывов и часто цитируемую в специальной литературе монографию того же автора [Geniušienė 1987].

Основные публикации по теме раздела

36. Типология рецессивных конструкций. Рефлексивные конструкции // Диатезы и залоги. Тезисы конф. «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков» (21–23 октября 1975 г.). Л., 1975.

37. Типология деагентивных рефлексивных конструкций // Проблемы синтаксической семантики. Материалы науч. конф. М., 1976.

38. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций (опыт исчисления) // В.С. Храковский (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

39. (Соавтор: Г.А. Отаина). Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов // В.С. Храковский (ред.). Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.

40. (Соавтор: Ю.П. Князев). Рефлексивные конструкции в славянских языках // В.П. Недялков (ред.). Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках: Сб. науч. трудов. Калинин, 1985.

41. (Соавтор: Э.Ш. Генюшене). Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // В.П. Недялков (ред.). Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках: Сб. науч. трудов. Калинин, 1985.

42. (Соавтор: Э.Ш. Генюшене). Типология рефлексивных конструкций // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

2.5. Типология зависимого таксиса и деепричастных форм

Наиболее детально типологические и сопоставительные аспекты анализа форм, выражающих зависимый таксис, представлены в работах [45; 46; 48]. Позднее типология деепричастных форм (ДФ) получила свое развитие и в зарубежных публикациях ВПН [49; 50]. Что касается предложенных определений ДФ, то они по очевидной причине несколько модифицировались от частной работы [45] к типологической статье [48]. Если в первой из этих работ, рассматривавшей только нивхские ДФ, они определялись отрицательно как «те формы, которые не могут выступать в позиции единственного сказуемого простого предложения» (для нивхского языка это определение достаточно, поскольку в нем нет ни причастий, ни инфинитива [45, с. 298]), то во второй (типологической) работе определение ДФ потребовало дополнительных уточнений: ДФ «можно определить как глагольную форму, которая синтаксически зависит от другой глагольной формы, но не является ее синтаксическим актантом, т.е. не реализует ее семантических валентностей. Таким образом, каноническое (= несомненное) Д[еепричастие] может занимать 1) позицию сирконстанта, т.е. обстоятельства, и не может занимать позиций 2) единственного сказуемого простого предложения (без дополнительных вспомогательных элементов), 3) определения к существительному, 4) предикатного актанта (т.е. не может зависеть от таких глаголов, как *начинать*, *велеть* и т.п.), 5) субстантивного актанта (т.е. не выступает в позициях подлежащего и дополнения)» [48, с. 36].

Приведу основные типы деепричастий, а также признаки и параметры их типологического описания в разноструктурных языках, представленные в работах [45; 48]:

1) таксисная пара глагольных форм, состоящая (в нивхском языке) из деепричастной (зависимой) и опорной (независимой) формы;

2) степень «деепричастности» языков мира (удельный вес и роль форм зависимого таксиса в системе грамматических категорий и в построении текста);

- 3) три основных типа ДФ по признаку выполняемой синтаксической функции (функция обстоятельства в простом предложении – функция второстепенного или однородного сказуемого – функция сказуемого придаточного предложения);
- 4) основные несинтаксические функции ДФ (например, в составе сложных глаголов, а также в составе синтетических или аналитических видо-временных форм глагола);
- 5) однозависимые vs. взаимозависимые ДФ;
- 6) равносубъектные – вариативносубъектные – разносубъектные ДФ;
- 7) временные ДФ, выражающие отношения одновременности, предшествования, следования или прерывания, vs. обстоятельственные ДФ; семантические типы обстоятельственных ДФ;
- 8) аспектуальные типы таксисных ДФ: имперфективные – перфективные – аспектуально нейтральные ДФ;
- 9) девять основных типов таксисных ситуаций, исчисляемых на основе трех типов аспектуальных событий (процесс, факт, серия), выражаемых ДФ и/или опорной глагольной формой;
- 10) зависимость выбора ДФ от временной формы финитного глагола (темпорально-нейтральные – презентные – претеритные – футуральные ДФ);
- 11) три основных смысловых типа ДФ: специализированные – контекстные – нарративные ДФ (только последние способны обозначать цепь последовательных событий);
- 12) смысловая (в том числе, лексическая) сочетаемость в таксисных парах;
- 13) типы совмещения у ДФ деепричастных и недеепричастных (например, атрибутивной и инфинитивной) функций;
- 14) основные способы обозначения разносубъектности в структуре ДФ;
- 15) основные типы согласования ДФ с субъектом действия (нулевой, специфический, адъективный, глагольный, посессивный, посессивно-глагольный, смешанный).

Основные публикации по теме раздела

43. Заметки по типологии зависимого таксиса // А.В. Бондарко и др. (ред.). Функционально-типологические проблемы грамматики. Тезисы научно-практич. конф. «Функциональное и типологическое направления в грамматике и их использование в преподавании теоретических дисциплин в вузе». Вологда, 1986.
44. (Соавтор: И.В. Недялков). Деепричастия в карачаево-балкарском языке // Н.Д. Андреев и др. (ред.). Лингвистические исследования 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986.
45. (Соавтор: Г.А. Отаина). Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
46. (Соавтор: I.V. Nedyalkov). On the typological characteristics of converbs // T. Help, S. Murumets (eds.). Symposium on language universals. Summaries. Tallinn, 1987.
47. (Соавтор: И.В. Недялков). Нарративные деепричастия в карачаево-балкарском, монгольском, маньчжурском и нивхском языках // В.В. Богданов и др. (ред.). Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Межвузовский сб. Л., 1988.
48. Основные типы деепричастий // В.С. Храковский (отв. ред.). Типология и грамматика. М., 1990.
49. Some typological parameters of converbs // E. König, M. Haspelmath (eds.). Converbs. EUROTYPE working papers. Ser. 5. № 7. 1993.
50. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms – adverbial participle, gerund. Berlin; New York, 1995.

2.6. Типология взаимных конструкций

Эта проблема, занимавшая ВПН последние двадцать лет его жизни и представленная в большом количестве его статей, часть из которых приводится ниже, получила свое завершение в монументальной пятитомной коллективной монографии «Reciprocal constructions», вышедшей в 2007 году в издательстве John Benjamins (Amsterdam;

Philadelphia). Этот огромный труд, состоящий из более двух тысяч двухсот страниц, включает пятьдесят глав, в которых (помимо девяти вводных глав) максимально детально рассматриваются синтаксические и семантические характеристики взаимных (реципрокальных) конструкций (далее – РецК) в более чем сорока языках большинства регионов мира (всего в указателе языков в пятом томе, составленном С.А. Крыловым, приводится более 500 языков, а также групп и семей языков, учтенных авторами статей). Отмечу основные типы РецК, а также признаки и параметры их типологического описания в разноструктурных языках, представленные в работах ВПН:

- 1) глагольные (морфологические) и местоименные (синтаксические) РецК;
- 2) лексические реципроки (например, *дружить, спорить, бороться, ссориться*);
- 3) полисемия реципрокальных показателей (социатив, комитатив, ассистив, компетитив, итератив, множественность субъектов);
- 4) субъектные vs. объектные (прямообъектные, непрямообъектные) РецК;
- 5) одновременные vs. последовательные реципроки;
- 6) канонические – дативные – бенефактивные – аблативные – посессивные – локативные реципроки;
- 7) продуктивность реципрокальной деривации и лексические ограничения, накладываемые на деривацию этого типа (в каждой из статей обследованы сотни глаголов всех валентностных и семантических групп);
- 8) способы выражения реципрокальных актантов;
- 9) типы валентностных изменений, происходящих при реципрокальной деривации (уменьшение, сохранение, увеличение числа валентностей исходного глагола);
- 10) возможности образования форм каузатива от реципроков и реципрокальных форм от каузативных форм глаголов.

Даже первичное знакомство с содержанием статей пятитомной монографии показывает самому непредвзятому читателю огромный объем поднятого и исследованного материала (вопросник, написанный ВПН, основан на материале более 300 языков). Автор этой статьи, будучи соавтором ВПН в трех статьях [63; 64; 65] (по карачаево-балкарскому, эвенкийскому и якутскому языкам), может вспомнить многие часы работы с информантами-носителями этих языков, направленной на выяснение многочисленных семантических и синтаксических тонкостей этих языков. Нетрудно догадаться, что стимулом для такой длительной (и подчас мучительной) работы являлись сотни и сотни новых вопросов, которые не уставал формулировать ВПН после каждой встречи или общения по Интернету с авторами всех статей коллективной монографии 2007 года, которая фактически подвела итог многолетней лингвистической деятельности ВПН. Отец очень ждал и хотел увидеть рецензии на свой многолетний труд, посвященный типологии реципроков. Но, понятно, что на то, чтобы освоить колоссальный материал, представленный в этом труде, у лингвистической общественности должно было уйти определенное время. Сегодня хотелось бы искренне поблагодарить авторов двух рецензий, одна из которых была написана В.А. Плунгяном [Плунгян 2009], а вторая – Э. Кёнигом [Koenig 2010].

Основные публикации по теме раздела

51. Типология полисемии показателей реципрока // В.М. Солнцев и др. (ред.). Всесоюзная конференция по лингвистической типологии. Тезисы докл. М., 1990.
52. О типологической анкете для описания реципрокальных конструкций // Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский (ред.). Типология грамматических категорий. Тезисы докл. Всесоюзной науч. конф. Л., 1991.
53. Типология взаимных конструкций // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
54. Заметки о немецких реципрокальных конструкциях // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1. СПбГУ, 2000. № 3.
55. Типология способов выражения реципрокального значения // Л.А. Кузьмин (ред.). Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Г.Г. Сильницкого. Смоленск, 2000.

56. (Coавтор: E. Geniušienė). Towards a typology of the polysemy of reciprocal markers // A. Barentsen, Ju. A. Pupynin (eds.). Functional grammar: Aspect and aspectuality. Tense and temporality. Essays in honour of Aleksandr Bondarko. München, Newcastle, 2000.
57. Kirghiz reciprocals // Turkic languages. V. 7. 2003. № 2.
58. Reciprocal constructions of Turkic languages in the typological perspective // Turkic languages. V. 10. 2006. № 1.
59. Overview of the research. Definitions of terms, framework, and related issues (Ch. 1) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
60. Encoding of the reciprocal meaning (Ch. 3) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
61. Polysemy of reciprocal markers (Ch. 5) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
62. (Coавтор: E. Geniušienė). Questionnaire on reciprocals (Ch. 8) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
63. (Coавтор: I.V. Nedjalkov). Reciprocal, sociative, and competitive constructions in Karachay-Balkar (Ch. 24) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
64. (Coавтор: I.V. Nedjalkov). Reciprocals, sociatives, comitatives, and assistives in Yakut (Ch. 26) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
65. (Coавтор: I.V. Nedjalkov). Reciprocal and sociative constructions in Evenki (with an appendix on Manchu) (Ch. 38) // V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.

3. ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ, РАССМОТРЕННЫЕ В РАБОТАХ ВПН

Ниже кратко рассматриваются четыре направления лингвистических исследований ВПН, выполненных им в рамках участия в коллективных темах: типология залоговых конструкций, типология двупредикатных конструкций, типология начинательных конструкций и семантика видо-временных форм.

3.1. Типология залоговых конструкций

Если исходить из трактовки залога как грамматической категории, включающей противопоставление форм актива и пассива, с одной стороны, и эргатива и антипассива, с другой, и исключать при этом конструкции, связанные с валентностными преобразованиями глаголов (например, такими категориями как каузатив, рефлексив и декаузатив), то можно сказать, что ВПН написал сравнительно немного статей собственно по пассиву (статьи по антипассиву рассматриваются ниже). Изучая каузативные конструкции в немецком языке, ВПН заметил, что конструкции с глаголом *lassen*, помимо основного – каузативного – значения, через пермиссивную семантику могут также выражать и пассивный смысл, сопровождающийся устранением одной обязательной валентности (агентивной) типа *Sie liess sich töten* [6, с. 161–169]. Типологические наблюдения о семантической смежности каузативно-пермиссивных и пассивных конструкций в разноструктурных языках представлены на с. 169–171 «докторской» монографии 1971 года [6]. В развитие рассматриваемой темы позволю себе назвать собственную статью «Recessive-accessive polysemy of verbal suffixes», опубликованную двадцать лет назад в журнале «Languages of the world» (№ 1, 1991). Необходимо также указать на разработку проблем актантной деривации в монографии В.А. Плунгяна [Плунгян 2000: 208–224], а также в работах Ю.Е. Галяминой (см., например, ее статью [Галимина 2001: 178–197]) и Л.И. Куликова (см., например, [Kulikov 1993; Куликов 1994; Kulikov 2006]). См. еще [Козлова, Лютикова, Федорова 2008; Аркадьев, Лстучий 2007].

Возвращаясь к работам ВПН по проблемам пассива, укажу еще на две его статьи, в которых рассматриваются семантические и формальные связи немецких каузативных и пассивных конструкций – [9] и [69]. Здесь необходимо отметить, что провозвестником исследования связей каузативности и пассивности был выдающийся немецкий линг-

вист Х. фон дер Габеленц, который описал особенности этих конструкций [Gabelentz 1861].

Обращусь теперь к исследованиям залоговых форм чукотского глагола. Предварительно необходимо отметить, что первые работы ВПН по чукотскому синтаксису были связаны с исследованием лабильности глаголов [66], эргативности [67], каузатива [16], инкорпорации [73] и антипассива [76]. Не останавливаясь детально на каждой из этих проблем, приведу основные моменты, связанные с описанием таких характеристик чукотского языка, как лабильность (переходность – непереходность) глаголов, эргатив – абсолютив, инкорпорация и антипассив.

Уже в первой работе по чукотскому языку [66] было отмечено, что лабильные глаголы составляют приблизительно 15% всех чукотских глаголов (около 300 из более чем 2000 глаголов, приводимых в чукотско-русском словаре Т.А. Молл и П.И. Инэнликэя 1957 г.), например: *илгытэвык* «мыться», «мыть», *йырэтык* «наполняться», «наполнять». Важным является список функций эргативной или номинативной конструкций, включающий четыре основные: 1) разграничение разных значений эргативного и номинативного употреблений (например, каузативного и некаузативного, возвратного и невозвратного), 2) разграничение абсолютивного и конкретно-направленного значений глаголов, 3) логическое выделение субъекта действия (в номинативной конструкции) или объекта действия (в эргативной конструкции), 4) грамматическое согласование спрягаемых модальных и фазовых глаголов с зависимым непереходным или переходным инфинитивом. При этом отмечается, что 80% чукотских лабильных глаголов относятся к типам (2) и (3). В следующей статье 1967 года [67] ВПН и его соавтор, блестящий знаток своего родного языка Петр Иванович Инэнликэй, дали значительно более развернутый анализ эргативной конструкции в чукотском языке в ее связи с номинативной конструкцией, отметив, что в этом противопоставлении существенное место занимает инкорпорация. Впечатляет широкий список чукотских глаголов, которые образуют вышеназванные конструкции (авторы выделяют девять различных случаев лабильности). Уже в этой работе удивительной представляется синтаксическая (и соответственно, семантическая) гибкость чукотского предложения, которая получила исчерпывающее описание в неопубликованной на русском языке работе ВПН «Диатезы и структура предложения в чукотском языке» (объем почти два авторских листа). Эта статья, скорее всего, была написана в первой половине 70-х годов и была опубликована в переводе на немецкий язык [71]. Поскольку ее русский оригинал автор настоящей статьи планирует подготовить к печати, представляется нецелесообразным на данном этапе излагать ее содержание. Важными в этой связи представляются материалы, посвященные инкорпорации подлежащего в чукотском языке по типу *Н'эгны* (абс.п.) *ы'лы-мле-гъи*, букв. «Гора снего-обвалилась» в значении «На горе обвалился снег». Чукотские конструкции этого типа были подробно проанализированы в работах [73] и [78]. В статье 1979 года [75] ВПН, рассмотрев случаи эргативного и абсолютивного оформления агенса, установил различные степени эргативности в чукотском языке в связи с особенностями согласования глагола с агенсом и объектом. На основании учета большого количества примеров было установлено, что степень эргативности возрастает в следующих направлениях: imperfect → aorist → perfect; indicative → imperative mood; first → second → third person; singular → plural number; subject agreement → object agreement [75, с. 259].

В двух статьях, написанных в соавторстве [80; 81] через десять лет после выхода первых работ ВПН по чукотскому синтаксису, предложен более развернутый анализ чукотских эргативных и абсолютивных конструкций, связанный с установлением сложного взаимодействия коммуникативно-прагматических факторов, обуславливающих выбор разных конструкций из списка близких по смыслу. Отмечу, что одним из соавторов работы [81] был И.Ш. Козинский. Я был свидетелем их совместной работы в Ленинграде и помню, как отец восторженно отзывался о лингвистическом таланте И.Ш. Козинского. После безвременной кончины И.Ш. Козинского отец стал одним из авторов некролога, посвященного его памяти и опубликованного в «Вопросах языкознания».

Приводимые ниже чукотские конструкции показывают, что по степени синтаксической гибкости его равными соперниками в России, по-видимому, могут быть признаны только родственные ему корякский и алюторский (хотя бы потому, что в остальных языках России отсутствует инкорпорация). Так, русским конструкциям *Отец намазал масло на хлеб* // *Отец намазал хлеб маслом* в чукотском языке соответствуют следующие пять синтаксических конструкций:

- (1) *Ытлыг-э* (эрг.) *мыткымыт* (масло-абс.) (кавказ-ык 'хлеб-местн.') *кили-нин*;
- (2) *Ытлыг-ын* (абс.) *мытк-э* (масло-инстр.) (кавказ-ык 'хлеб-местн.') *эна-ркэле-гъэ*;
- (3) *Ытлыг-ын* (абс.) (кавказ-ык 'хлеб-местн.') *мыткы-ркэле-гъэ*;
- (4) *Ытлыг-э* (эрг.) *мытк-э* (масло-инстр.) (кавказ 'хлеб-абс.') *эна-ркэле-нэн*;
- (5) *Ытлыг-э* (эрг.) *кавказ* ('хлеб-абс.') *мыткы-ркэле-нэн*.

Конструкции (2)–(5) образуются от исходной эргативной конструкции (1) применением различных правил антипассивизации, связанных с понижением синтаксического статуса прямого дополнения *мыткымыт* «масло» (либо с перемещением его в позицию непрямого дополнения, либо с его инкорпорацией). При этом конструкции (2) и (3) являются непереходными (в конструкции (3) имеет место также инкорпорация имени со значением «масло» в глагольную словоформу), а конструкции (4) и (5), также будучи антипассивными, являются переходными (на что указывает субъектно-объектный показатель согласования в глагольной словоформе *-нэн*). Как указывают авторы статей [80] и [81], выбор эргативной конструкции позволяет говорящему выразить дополнительную ассерцию того, что референт подлежащего в эргативной форме способен начать или закончить выполнение того или иного действия по своей воле. Именно эта ассерция, не вытекающая из лексических значений участвующих имен и глаголов или из семантики выражаемой ситуации, а также не связанная с тема-рематической структурой высказывания, будучи заменена, например, на смысл, связанный с прагматически релевантным изменением состояния объекта, может приводить к выбору того или иного типа антипассивной конструкции. Типология антипассивных конструкций с учетом их семантических, прагматических и синтаксических особенностей была рассмотрена в кандидатской диссертации С.С. Сая, выполненной под руководством ВПН [Сай 2008].

Практически в то же время (вторая половина 60-х годов XX века) ВПН начал серьезно заниматься не только чукотским, но и нивхским языком (см. работы [15; 68; 74]). Многолетним помощником в изучении этого языка была Галина Александровна Отаина, которая являлась не только отличным лингвистом и тонким знатоком своего родного языка, но и обладала невероятным терпением, отвечая в течение многих лет на сотни вопросов ВПН относительно нивхского языка. Венцом их совместной работы стал «Синтаксис нивхского языка» объемом более 300 страниц, машинописный вариант которого, датированный 1988 годом, был обнаружен после кончины ВПН в его домашнем архиве. Этот труд был принят издательством «Наука» к публикации в 1990 году, но отсутствие финансирования помешало появлению «Синтаксиса нивхского языка» двадцать лет назад (хотелось бы в этой связи надеяться на скорейшее опубликование «Синтаксиса нивхского языка» в наше время). Огромную работу по редактированию всего текста «Синтаксиса», проверке многих сотен примеров и переводу текста в компьютерный вид взяла на себя Э.Ш. Генюшене – супруга ВПН и многолетний научный помощник, соавтор и коллега отца. Необходимо отметить, что практически все работы ВПН, опубликованные по-английски (включая его статьи из пятитомного издания по типологии взаимных конструкций 2007 года), были переведены, напечатаны, проверены и вычитаны Э.Ш. Генюшене, что явилось поистине титанической работой.

Поскольку в приложении к «Синтаксису нивхского языка» планируется также издать некоторые другие статьи ВПН по этому языку, не буду специально останавливаться на этих работах ВПН по нивхской грамматике.

В заключение этого раздела назову две диссертационные работы аспирантов ВПН, которые были посвящены исследованию немецких пассивных конструкций: Нематулла Эльмурадов «Пассив и статив в немецкой прямой речи» (Л., 1977) и О.Д. Михайловский «Немецкие бесподлежащие пассивные конструкции» (Л., 1983).

Основные публикации по теме раздела

66. (Соавтор: П. Инэнликэй). Лабильные («переходно-непереходные») глаголы в чукотском языке // Л.И. Ройзензон и др. (ред.). Материалы всесоюзной конф. по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка». Ч. 2. Самарканд, 1966.

67. (Соавтор: П.И. Инэнликэй). Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке // В.М. Жирмунский (ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (Исследования и материалы). Л., 1967.

68. (Соавтор: Г.А. Отаина). Описание глагольного словообразования методами порождающей грамматики (на материале нивхского языка) // Х. Рятсеп (ред.). Межвузовская конф. по порождающим грамматикам. Кяэрику. Тезисы докл. Тарту, 1967.

69. Заметки о пассивной и каузативной конструкциях в немецком языке // Б.А. Ильиш (ред.). XXII Герценовские чтения (Межвузовская конф.). Иностранные языки. Краткое содержание докладов. Л., 1970.

70. (Соавторы: A.A. Kholodovich, V.S. Khrakovskij). Diatheses and Voice // L. Heilmann (ed.). Proceedings of the Eleventh International congress of linguists. Bologna–Florence, Aug. 28 – Sept. 2, 1972. V. I. Bologna, 1974.

71. Diathesen und Satzstruktur im Tschuktschischen // R. Lötsch, R. Růžicka (Hrsg.). Satzstruktur und Genus Verbi. Berlin, 1976.

72. Эргативность в чукотском языке // Тезисы докладов 1-го Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. II. М., 1977.

73. Посессивность и инкорпорация в чукотском языке (инкорпорация подлежащего) // В.С. Храковский (ред.). Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

74. (Соавтор: Г.А. Отаина). Стативы от интранзитивов в нивхском языке // Л.И. Сем и др. (ред.). Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.). Владивосток, 1978.

75. Degrees of ergativity in Chukchi // F. Plank (ed.). Ergativity: Towards a theory of grammatical relations. London, 1979.

76. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация // Г.К. Широков и др. (ред.). XIV Тихоокеанский научный конгресс. Август 1979 г. Хабаровск. Секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона». Языки бассейна Тихого океана. Тезисы докл. М., 1979.

77. (Соавтор: П.И. Инэнликэй). О связях посессивного, «компаративного», каузативного и аффективного значений глагола (на материале конструкций с глаголом *лыныык* в чукотском языке) // Е.Н. Убрятова и др. (ред.). Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981.

78. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим (типа: *льэгни ы'лы-мле-гъи* 'с горы обвалился снег', букв. 'гора снего-обвалилась') // С.Д. Кацнельсон и др. (ред.). Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982.

79. Эргативность и номинативность в чукотском глагольном согласовании // В.М. Солнцев и др. (ред.). Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 2. М., 1982.

80. (Соавтор: M.S. Polinskaja). Contrasting the absolutes in Chukchee. Syntax, semantics and pragmatics // R.M.V. Dixon (ed.). Studies in Ergativity (Lingua. V. 71. № 1–4). Amsterdam, 1987.

81. (Соавторы: I.S. Kozinsky, M.S. Polinskaja). Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object // M. Shibatani (ed.). Passive and voice. Amsterdam; Philadelphia, 1988.

Заключительные три направления, рассматриваемые ниже, по соображениям объема статьи представлены в более компактном виде.

3.2. Типология двупредикатных конструкций

Помимо двух статей, опубликованных в коллективных монографиях 1983 и 1985 гг. [85; 86] и посвященных анализу чукотских двупредикатных конструкций (ДПК), ВПН ранее (в 1979 г.) опубликовал статью, посвященную выявлению типологических оснований для описания ДПК в разноструктурных языках [82]. В этой работе ДПК определяются как конструкции, в которых один предикат (чаще всего глагол) «с большей или

меньшей вероятностью предполагает другой предикат (чаще всего глагол или отглагольное имя)» [82, с. 35]. Далее в статье на основе наборов семантических и синтаксических актантов, а также семантических классов предикатно-актантных глаголов предлагается исчисление основных типов диатез ДПК [82, с. 36–40], которое включает, в частности, инверсивные и неинверсивные, субъектные и объектные, а также разноактантные ДПК. Эти конструкции, как показано в работе [82], коррелируют с различными смысловыми классами глаголов (модальными, фазовыми, каузативными, ментальными, а также глаголами речи, чувственного восприятия и эмоций). В результате анализа конкретных языковых данных разных языков ВПН установил ряд корреляций и импликаций [82, с. 37–38, 46–47], характеризующих ДПК разных диатезных и смысловых типов. В качестве примера приведу одну из них: «Если среди каузативных глаголов есть такие, среди которых наблюдается или когда-либо наблюдалось колебание в выборе прямого или косвенного Об-1, то среди таких глаголов будут и глаголы со значением “помогать” (языки: немецкий, венгерский, чукотский и др.)» [82, с. 37–38]. Важным представляется то, что, приведя девять таблиц со структурами разнотипных диатез ДПК, в конце статьи ВПН обращает внимание на ряд вопросов, которые требуют дальнейшего типологического анализа, например: «Если состав смысловых классов [глаголов. – И. Н.] неодинаков в разных языках, то существуют ли какие-либо импликации? Т.е. имплицитирует ли наличие представителей одного смыслового класса наличие представителей какого-либо другого класса?» [82, с. 45].

Основные публикации по теме раздела

82. Заметки по типологии двупредикатных конструкций. Опыт исчисления // И.П. Сусов и др. (ред.). Значение и смысл речевых образований: Межвуз. тематический сб. Калинин, 1979.

83. О типологии конструкций с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Материалы Всесоюзной конф. «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л., 1981.

84. Типология двупредикатных конструкций (исчисление и материалы для анкеты) // *Studia gramatyczne*. IV. Wrocław, 1981.

85. (Соавторы: П.И. Инэнликэй, В.Г. Рахилин). Чукотские конструкции с субъектным инфинитивом // В.С. Храковский (ред.). Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.

86. Чукотские дсагентивные конструкции с субъектным инфинитивом // В.С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.

3.3. Типология начинательных конструкций

В серии статей [87]–[91] ВПН разработал основы типологического описания и систематизации способов выражения начинательности в различных языках (основными в этом ряду представляются работы [88] и [90]). Учет большого количества данных разноструктурных языков позволил выделить три основные семантические группы начинательных глаголов (НГ): инхоативы, образуемые от стативов (например, русск. *зацвести*, *заболеть*, *высохнуть*, *полюбить*, т.е. *начать цвести*, *начать болеть*, *начать быть сухим*, *начать любить* соответственно, т.е. «начать быть в состоянии» по М.Я. Гловинской); ингрессивы, образуемые от агентивов – неопредельных, преимущественно интранзитивных предикатов, обозначающих действия с гомогенной внутренней структурой, например: *заплакать*, *заработать* (в смысле «*Мотор вдруг заработал*»), *побежать*, *поташить* (т.е. «начать действовать» по М.Я. Гловинской), и инцептивы, образуемые преимущественно (но не только!) от терминативов – предельных предикатов, обозначающих действия, обычно связанные с постепенным накоплением новых свойств и изменением состояния, приобретением нового качества (например: *начать сохнуть*, *начать выздоравливать*, *начать засыпать*). В работах [87]–[91] (в статье [91] используется несколько другая терминология) рассматриваются, в частности, такие проблемы, как направление морфологической деривации НГ, соотношение НГ с каузативами, семан-

тические особенности трех вышеназванных классов НГ, наличие и употребительность самостоятельных НГ, основные типы фазовых и серийных начинательных значений. По-моему, этот исключительно интересный подход может стать отправной точкой для дальнейшего исследования глаголов данного типа в заданном ВПН направлении.

Основные публикации по теме раздела

87. Заметки по типологии начинательных конструкций // И.П. Сусов и др. (ред.). Прагматика и семантика синтаксических единиц: Сб. научных трудов. Калинин, 1984.

88. Основные типы начинательных глаголов // Л.М. Васильев и др. (ред.). Семантические категории языка и методы их изучения. Тезисы докл. Всесоюзной научной конф. (28–30 мая 1985 г.). Ч. 1. Уфа, 1985.

89. Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // И.П. Сусов и др. (ред.). Языковое общение и его единицы: Межвузовский сб. научных трудов. Калинин, 1986.

90. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

91. Notes on the typology of principal types of inceptive predicates: three types of phasal inceptives (inchoatives, ingressive, initives); two non-phasal types (iteratives proper and adverbial iteratives) // W. Bublitz, M. von Roncador, H. Vater (eds.). Philology, typology and language structure. Festschrift for Winfried Boeder on the occasion of his 65th birthday. Frankfurt-am-Main, 2002.

3.4. Семантика видо-временных форм

Эта тема представлена в сравнительно небольшом числе работ ВПН, посвященных анализу карачаево-балкарских, эвенкийских и чукотских видо-временных форм (ВВФ) глагола (для автора настоящей статьи особенно важен тот факт, что три из них были написаны в соавторстве с отцом [92; 93; 94]). Подход ВПН к изучению ВВФ характеризуется интегральностью, т.е. связью как с другими грамматическими категориями глагола (например, с категориями залога и наклонения), так и с лексической семантикой глаголов, принадлежащих различным аспектуальным классам. Список основных проблем, связанных с изучением ВВФ, а также параметров их типологического описания в разноструктурных языках, включает следующие признаки: 1) полисемия отдельных ВВФ, 2) способы действия и семантика ВВФ, 3) соотношение с русскими ВВФ (контрастивный подход), 4) соотношение вида, времени, залогов, наклонений и отрицательной полярности, 5) конкуренция ВВФ и других глагольных форм (например, конъюнктива), 6) особый семантический статус форм перфекта, 7) употребление аспектуальных наречий с различными ВВФ, 8) реализация значений ВВФ в зависимости от аспектуальной характеристики глаголов, 9) употребление ВВФ в диалоге и повествовании, 10) связи ВВФ и модальности высказывания.

Основные публикации по теме раздела

92. (Соавторы: П.И. Инэнликэй, И.В. Недялков, В.Г. Рахтилин). Значение и употребление чукотских видо-временных форм // А.В. Бондарко (ред.). Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.

93. (Соавтор: И.В. Недялков). Карачаево-балкарская глагольная форма на *-б/-п тур-а-* со значениями настоящего и прошедшего времени (в сравнении с формами на *-б тур-а- / тур-иб* в узбекском языке) // А.М. Мухин и др. (ред.). Лингвистические исследования 1987. Функционально-семантические аспекты грамматики. М., 1987.

94. (Соавтор: I.V. Nedjalkov). Meanings of tense forms in Evenki (Tungus) // *Lingua Posnaniensis*. XXXI. 1988.

95. Tense-aspect-mood forms in Chukchi // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 47. № 4. 1994.

Хотелось бы также сказать несколько слов о книге, посвященной Игорю Евгеньевичу Аничкову [Аничков 1997], которого ВПН безмерно любил и ценил и труды которого собрал, обработал и опубликовал с предисловиями таких выдающихся ученых, как С.С. Аверинцев, В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, Д.С. Лихачев, И.Н. Горелов, Г.Г. Сильницкий. С И.Е. Аничковым судьба свела ВПН в Ставропольском пединституте в начале 50-х годов прошлого века. Чтобы попытаться хотя бы отчасти охарактеризовать масштаб личности И.Е. Аничкова, достаточно привести две цитаты из вышеназванной книги. Первая характеризует Игоря Евгеньевича как ученого: «И.Е. Аничков может быть отнесен к той плеяде русских ученых, которая, сформировавшись в дореволюционную эпоху и впитав в себя лучшие духовные традиции православной русской интеллигенции XIX века, отличалась как энциклопедической широтой интересов, так и чувством ответственности за историческую судьбу Отечества» (В.П. Недялков в [Аничков 1997: 3]). Вторая цитата характеризует главную лингвистическую теорию И.Е. Аничкова – концепцию идиоматики – и принадлежит Ю.Д. Апресяну: «Идиоматику, которая никак не связана с идиоматичностью в традиционном понимании, И.Е. Аничков считал своим главным детищем. Это была в высшей степени оригинальная, стройная и глубокая теория, намного опережавшая свое время» [Апресян 1997: 72]. Стремление сохранить блестящее научное наследие своего учителя И.Е. Аничкова было у ВПН всегда. Отец часто посещал Игоря Евгеньевича и его супругу Софию Николаевну в 70-е годы прошлого столетия, живших на Греческом проспекте г. Ленинграда недалеко от Московского вокзала. Автор этой статьи во время аспирантуры (1973–1978 годы) также неоднократно бывал у Игоря Евгеньевича. Во время таких встреч Игорь Евгеньевич настоятельно просил меня говорить с ним только по-английски, которым он владел безупречно. Мне очень жаль, что посещать Игоря Евгеньевича довелось значительно реже, нежели к этому призывал меня отец (тем более, что, как он мне говорил, в 1951 году я был назван в честь Игоря Евгеньевича). Завершая этот экскурс в историю, хотелось бы привести еще одну цитату из статьи Ю.Д. Апресяна об И.Е. Аничкове: «Историкам лингвистики еще предстоит написать его подробную научную биографию и оценить интеллектуальный и моральный ущерб, который понесла наша наука в результате того, что основные теоретические работы И.Е. Аничкова в своем первоизданном виде и полностью выходят в свет только сейчас» [Апресян 1997: 71].

Хочется завершить статью о ВПН замечанием о том, что он несколько десятилетий разрабатывал методику анкетной типологии, которая совершенствовалась с каждой новой коллективной монографией и была использована в ряде проектов типологического изучения языков Европы (Eurotyp 1990–1995). В этот проект ВПН был приглашен в 1990 году в качестве одного из научных руководителей в числе десяти других ведущих лингвистов-теоретиков Европы.

Отмечу также, что помимо собственной научной работы и руководства аспирантами и докторантами ВПН осуществил научное редактирование следующих трудов:

1. В.П. Недялков (отв. ред.) Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
2. Генюшене Э.Ш. Реслексивные глаголы в балтийских языках и типология реслексивов. Вильнюс, 1993.
3. В.П. Недялков (отв. ред.) Реслексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985.
4. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск, 1986.
5. V.P. Nedjalkov (ed.). Typology of resultative constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1988. (Перевод монографии «Типология результативных конструкций»; содержит шесть новых глав, восемь глав расширены и дополнены новым материалом).
6. Пименов И.Е. Типология префиксных транзитивов. Кемерово, 1989.
7. V.P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions [Typological Studies in Language 71]. V. 1–5. Amsterdam; Philadelphia, 2007. (См. рецензию на эту книгу: N. Maskaliūnienė. Reciprocal constructions. V. 1–5 // Baltistica. V. XLIV, 2. Vilnius, 2009.)

Необходимо отметить сборники, изданные в честь В.П. Недялкова [Kulikov, Vater (eds.). 1998; Abraham, Kulikov (eds.) 1999; ПГТ 2010].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничков 1997 — И.Е. Аничков. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Апресян 1997 — Ю.Д. Апресян. О работах И.Е. Аничкова по идиоматике // И.Е. Аничков. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Аркадьев, Летучий 2007 — П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке // Доклад на IV конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 1–3 ноября 2007.
- Володин, Скорик 1997 — А.П. Володин, П.Я. Скорик. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997.
- Галямина 2001 — Ю.А. Галямина. Акцессивно-рессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.
- Груздева 1997 — Е.Ю. Груздева. Нивхский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997.
- Козлова, Лютикова, Федорова 2008 — А.В. Козлова, Е.А. Лютикова, О.В. Федорова. 'Заставить' или 'разрешить': анализ семантики каузативных глаголов // Труды междунар. конф. «Диалог-2008». М., 2008.
- Куликов 1994 — Л.И. Куликов. Типология каузативных конструкций в современных синтаксических теориях: опыт решения одной лингвистической метазадачи // Знак. Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994.
- ПГТ 2010 — Проблемы грамматики и типологии. Сб. статей памяти В.П. Недялкова. М., 2010.
- Плунгян 2000 — В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2009 — В.А. Плунгян. [Рец. на:] Reciprocal constructions. Amsterdam, 2007 // ВЯ. 2009. № 6.
- Сай 2008 — С.С. Сай. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Храковский, Оглоблин 1998 — В.С. Храковский, А.К. Оглоблин. Школа А.А. Холодовича // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб., 1998.
- Abraham, Kulikov (eds.) 1999 — W. Abraham, L. Kulikov (eds.). Tense-aspect, transitivity and causativity Essays in honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam, 1999.
- Comrie 1976 — B. Comrie. The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences // Syntax and semantics. V. 6. The grammar of causative constructions. New York, 1976.
- Comrie 1981 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology. Syntax and morphology. Chicago, 1981.
- Comrie 1985 — B. Comrie. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Language typology and syntactic description. V. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985.
- Dixon 2000 — R. Dixon. A typology of causatives: Form, syntax, and meaning // R.M. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Gabelentz 1861 — H.C. von der Gabelentz. Über das Passivum. Leipzig, 1861.
- GC 2002 — The grammar of causation and interpersonal manipulation. Amsterdam, 2002.
- Geniušienė 1987 — E. Geniušienė. The typology of reflexives. Berlin, 1987.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and transitivity. Amsterdam, 1993.
- Koenig 2010 — E. Koenig. [Rec.:] Reciprocal constructions. Amsterdam, 2007 // Language. 2010. V. 86. № 1.
- Kulikov 1993 — L. Kulikov. The second causative: a typological sketch // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and transitivity. Amsterdam, 1993.
- Kulikov 2006 — L. Kulikov. Passive and middle in Indo-European // W. Abraham, L. Leisio (eds.). Passivization and typology: Form and function. Typological studies in language. V. 68. Amsterdam, 2006.
- Kulikov, Vater (eds.) 1998 — L. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface. Massachusetts, 1995.
- Nichols et al. 2004 — J. Nichols, A.D. Peterson, J. Barnes. Transitivity and detransitivizing languages // Linguistic typology. 2004. V. 8. № 2.
- Shibatani (ed.) 1976 — M. Shibatani (ed.). The grammar of causative constructions. 1–2. New York, 1976.